
«СВЯТЫЕ ОБРАЗЫ НА КЛИНКАХ»: УНИКАЛЬНЫЕ САБЛИ ИЗ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА (предварительная публикация)

**Всеволод Образцов
Юрий Пятницкий**

В музейных и частных коллекциях старинного оружия среди мечей, палашей, сабель и шпаг можно встретить экземпляры, имеющие своеобразный декор, исполненный золотой насечкой. Речь идет о христианских изображениях и сопровождающих их греческих и славянских надписях религиозного характера. Они расположены на клинках, иногда с обеих сторон. Интерес к изучению и интерпретации такого оружия появился в России во второй половине XIX столетия, хотя поступление самих памятников в отечественные собрания началось, по крайней мере, с конца XVII в. В частности в Оружейной палате в Москве имеется сабля, принадлежавшая царю Ивану Алексеевичу (1666-1696). В 1682-1696 годах он был соправителем своего брата, царя Петра Алексеевича (император Петр I). Ее рукоять и ножны украшены драгоценными камнями и эмалью, но не менее парадно и драгоценно выглядит клинок со сверкающей, как вспышки молнии, золотой инкрустацией. Греческая надпись «ΠΑΝΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΝΘΗ ΤΩΝ ΔΟΥΛΩΝ ΣΟΥ ΕΤΟΣ ΑΠΟ Χ[ΡΙΣΤΟΥ]» («*Пречистая Матерь Божия, помоги рабу Твоему в лето по Рождеству Христову*») сочетается с изображениями пары горящих свечей, херувимов, Солнца и Луны и медальона «Богоматерь - Неувядаемый цвет», над которым два архангела с обнаженными мечами держат царский венец. На обороте клинка – в аналогичном медальоне Святой Георгий, поражающий змия (Treasures 2010, 34, 82-83, no. 22).

Одно из первых исследований о саблях с христианскими сюжетами и надписями принадлежит В.А. Прохорову, заведующему Музеем древнерусского искусства Академии художеств в Санкт-Петербурге¹. Для нашей темы

важны некоторые детали его биографии. В.А. Прохоров (1818-1882) был сыном священника, то есть выходцем из духовного сословия. Рано лишившись отца, он был отдан в Херсонскую Духовную семинарию, после окончания которой был учителем в Одессе. Обладая склонностью к живописи и изящным искусствам, он сумел уволиться из духовного звания и, переехав в Санкт-Петербург, поступил в Императорскую Академию художеств. Однако живописца из него не вышло, и с 1844 г. он стал преподавателем всеобщей истории в Морском кадетском корпусе, а в 1859 г. был приглашен на такую же должность в Академию художеств. К этому времени он уженискал славу страстного коллекционера и исследователя отечественных древностей. В 1861 г. он получил новое назначение в Академии, став заведующим академическим Музеем древнерусского искусства. В. А. Прохоров был действующим и почетным членом многих научных обществ и институтов. В 1862 г. он начал выпускать научно-художественный журнал «Христианские древности и археология», издание которого, впрочем, вынужден был вскоре остановить по финансовым причинам, а более из-за враждебности к журналу православных священников, увидевших в статьях «пропаганду расколичества». Несколько раз в последующие годы В.А. Прохоров пытался возобновить публикацию журнала, но, хотя в 1870-х годах вышло несколько толстых томов, ежемесячного журнала не получилось,

десятков лет неоднократно менял свое название: «Музей православного иконописания», «Музей православного иконописания и русских древностей», «Музей русской археологии», «Музей христианских древностей» и, наконец, за ним укрепилось название «Музей древнерусского искусства», которое наиболее точно отражало состав и задачи этого музея. В 1898 г. все коллекции Музея древнерусского искусства были переданы в Русский музей Императора Александра III в Санкт-Петербурге.

¹ Возникнув в 1856 г. как подсобное хранение при «Классе православного иконописания», этот музей в течение двух

как, впрочем, издателю не удалось создать и стабильный авторский коллектив. Большая часть статей в «Христианских древностях и археологии» принадлежала самому издателю – В.А. Прохорову. Не более успешной была его попытка издания другого журнала – «Русские древности». В 1871 г. было напечатано шесть его выпусков, в 1872 и 1876 – только по одному. Несмотря на большой разброс тем в обоих прохоровских изданиях, они привлекали публикацией многочисленного нового материала и независимыми (хотя иногда и весьма фантастичными) суждениями автора-издателя. Впрочем, сам он видел свою задачу именно в публикации материалов для будущих исследователей. Именно поэтому в его изданиях фигурируют очерки под названием «Материалы для истории древних русских одежд» и «Пояснительные материалы при исследовании истории архитектуры в России». С 1873 г. В.А. Прохоров начал читать специальный курс лекций по древнерусскому искусству в Академии художеств. Страстно желая поделиться своими знаниями и материалами, которых у него действительно было чрезвычайно много, он, однако, как в своих статьях, так и в лекциях не сумел изложить материал ясно, понятно и кратко. В. А. Прохоров постоянно сбивался на побочные темы, приводил такое обилие примеров и аналогий, что поставленная им тема статьи или лекции тонула в массе беспорядочно изложенных фактов. К сожалению, не обладал он и лекторским красноречием, что делало его выступления путанными и скучноватыми (Вздорнов 1986, 117-125; Стасов 1885, 320-360). Один из слушателей Санкт-Петербургского Археологического института, Н. Оглобин, написал в своих воспоминаниях, что на лекциях: *«обязательно присутствовал почетный член Института В.А. Прохоров, довольно известный в свое время археолог, хотя эта известность была более отрицательного характера»* (Оглобин 1903, 378). Вместе с тем, нередко его высказывания о памятниках и их датировке имели весьма верный характер.

Именно так случилось, когда в Русское археологическое общество в Санкт-Петербурге прислали клинок с греческой надписью и изображением Богоматери, который был найден в 1832-1833 гг. в Казанской губернии в селении Карчала во время пахоты. В Археологи-

ческом обществе при обсуждении вопроса о дате клинка были высказаны разные мнения: одни относили его к X в., другие – к XIV в., в то время как В. А. Прохоров совершенно правильно высказался за XVII столетие (Прохоров 1877, 1). По предложению Великого князя Константина Николаевича – председателя общества, ученый взял на себя труд составить об этом клинке специальную «пояснительную записку». Собрав многочисленный и разнообразный материал о клинках с греческими и славянскими надписями, исполненными золотой насечкой, В.А. Прохоров выступил с ним на Втором Археологическом съезде в Санкт-Петербурге в 1877 г., одновременно, по решению Русского археологического общества, опубликовав это исследование отдельной брошюрой (Прохоров 1877). Доклад его был встречен с интересом, но так и остался своеобразной экзотикой, а тема не получила дальнейшего развития. Отчасти в этом был виноват сам докладчик – собрав материал с исключительной, для того времени, полнотой, он создал некую видимость исчерпанности тематики. В то же время В.А. Прохоров не сумел ясно и четко наметить пути дальнейшего развития сюжета. Поэтому на долгие годы, практически до сегодняшнего дня, доклад В.А. Прохорова «О древних саблях с греческими, славянскими и другими надписями» на Втором Археологическом съезде, опубликованный как отдельной брошюрой, так и в трудах съезда, остается единственной специальной работой о саблях с христианскими изображениями на клинках (Прохоров 1877; Прохоров 1881, 195-202).

Одним из неоспоримых достоинств этого исследования является обилие собранного автором материала. Он основывался на наиболее важных коллекциях того времени – Московской Оружейной палаты с ее исторически сложившимся «царским» фондом оружия, Императорского Эрмитажа и Царскосельского Арсенала, частных собраниях, в основном – петербургских. В этом аспекте публикация В.А. Прохорова, бесспорно, остается важным фактологическим источником. К несомненным достоинствам следует отнести и прекрасный иллюстративный материал, сопровождающий брошюру 1877 г. На трех таблицах были опубликованы литографией четырнадцать клинков. Следует отметить, что литографии

чрезвычайно тщательно были исполнены самим автором – В.А. Прохоровым.

В своей работе исследователь в первую очередь обратил внимание на кривую форму найденного в Казанской губернии клинка, показав на примерах, что она появилась под воздействием Востока. Важное наблюдение было сделано о том, что древнее восточное оружие и доспехи нередко дополнялись в более позднее время христианской символикой, греческими или славянскими надписями. При этом как оригинальный декор, так и дополнения исполнялись золотой насечкой. Кроме того, В.А. Прохоров отметил, что как в России, так и в Западной Европе с XV столетия появляются подражания восточному оружию, изготавливавшиеся местными мастерами-оружейниками. Относительно христианской символики на клинках он справедливо отметил, что изображение Богоматери с Младенцем, чаще всего в иконографическом типе «Богородица Неувядаемый цвет», является наиболее распространенным. Столь же справедливо его замечание о несколько «западном, латинском привкусе» в иконографии таких изображений. Например, иногда Мария представлена с непокрытыми волосами, часто в руке она держит цветок. В то же время, его замечание относительно «западной» формы короны, которую держат архангелы, вряд ли справедливо. Делая вывод, что в клинках нет ничего греческого, кроме надписей, он одновременно и прав, и неправ. Если подразумевать под словом «греческий» собственно византийское искусство, то В. А. Прохоров, несомненно, прав. Все изображения на приводимых им клинках созданы намного позже времени существования Византийской империи (IV в. - 1453) и не имеют стилистики искусства этого периода. Однако существует понятие «поствизантийское искусство», то есть искусство православного населения на территории бывшей Византийской империи после 1453 года – времени падения Константинополя, столицы Византии. Понятие это чрезвычайно емкое и широкое, как по хронологии, так и по географическим рамкам. Если рассматривать изображения на клинках как явление поствизантийского искусства, то они весьма органически попадают в это понятие, как по своей иконографии, так и по стилю. В своем исследовании В.А. Прохоров не касался вопроса о месте производства

декора клинков. Указав, что ему приходилось в частных руках видеть несколько сабель с инкрустированными надписями, он добавил, что *«владельцы этих клинков определяли происхождение их различно: одни называли их венгерскими, другие сербскими, а иные греческими, армянскими и т.д. Латинские надписи приписывали славянам-католикам»* (Прохоров 1877, 3). Понимая стилевое разнообразие изображений и надписей и невозможность их создания в одном единственном, даже весьма крупном, центре, В. А. Прохоров не смог ни провести систематизацию клинков, ни указать, даже предварительно, возможные центры их изготовления.

Следующий этап в изучении сабель с христианскими сюжетами и надписями приходится на последнее десятилетие XIX в., когда в 1888 г. в Императорском Эрмитаже было открыто специальное Отделение Средних веков и эпохи Возрождения. В его основу была положена коллекция предметов прикладного искусства А.П. Базилевского, купленная императором Александром III в Париже в декабре 1884 г. В новое отделение Эрмитажа был в 1885-1886 годах перемещен и Царскосельский Арсенал. В результате все стены помещений этого отделения – две параллельные анфилады здания Старого Эрмитажа – были обильно декорированы вооружением, создавая весьма эффектное впечатление.

В печатном «Указателе Отделения Средних веков и эпохи Возрождения», составленном его хранителем Н.П. Кондаковым, имеется информация о саблях интересующего нас типа. В «Указателе» автор не только дает более или менее подробное описание (достаточное для идентификации предмета) и указывает инвентарный номер, но и приводит в оригинале греческие и славянские надписи на клинках. Конечно, не обошлось без досадных ошибок и необоснованных определений. Однако в целом текст Н.П. Кондакова, который не был специалистом по оружию, можно считать определенным шагом в изучении этого типа сабель, по сравнению с более ранними публикациями предметов Царскосельского Арсенала. Среди опубликованных Н.П. Кондаковым сабель особый интерес имеет та, которая была поднесена г. Бухарестом графу М.А. Милорадовичу (Инв. А. 146). На булатной полосе изо-

бражены золотой инкрустацией Богоматерь с Младенцем и греческая надпись с датой 1445 – «ΠΑΝΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΝΘΗ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ ΣΟΥ ΕΤΟΣ ΑΠΟ Χ[ΡΙΣΤΟΥ] 1445» («*Пречистая Матерь Божия, помоги рабу Твоему в лето по Рождеству Христову 1445*»). Основываясь на дате, Н.П. Кондаков считал саблю «византийской» (Кондаков 1891, 308). Однако уже несколько лет спустя, в 1895 г. Э. Э. Ленц в публикации коллекции оружия графа С.Д. Шереметева описал аналогичную саблю из собрания графа и, приведя в качестве аналогии саблю Императорского Эрмитажа (Инв. А. 146), заметил: «Обозначение года, конечно, произвольно и совершенно неправдоподобно: не говоря уже о вычурном начертании букв, автор надписи, очевидно, не сообразил, что греки вплоть до XVII в. придерживались летосчисления от сотворения мира, а не от Рождества Христова» (Ленц 1895, 64). Там же он указал на еще две аналогии – две сабли с подобной надписью в Оружейной палате в Москве, на одной из которых указан год – 1692 (Ленц 1895, 65). Описывая еще одну саблю в собрании графа С.Д. Шереметева – с длинной греческой надписью с упоминанием императора Константина, – он пришел к весьма важному выводу, что такие «почетные» сабли появились не ранее XVII столетия и изготовлялись специально для подношений (Ленц 1895, 65).

Н.П. Кондаков в своем «Указателе» дал правильную позднюю датировку – XVIII в. – еще одной сабле (Инв. А.67) с греческой надписью «+ ΣΥ ΒΑΣΙΛΕΥ ΑΝΤΤΗΤΕ ΛΟΓΕ ΘΕΟΥ ΠΑΝΤΑΝΑΕ» («Ты, царь, предвечное слово Божие, Вседержитель») и изображением коронуемой архангелами Богоматери с Младенцем. Правда Н.П. Кондаков почему-то определил ее как «польскую» (Кондаков 1891, 302), и на эту ошибку сразу же указал Э.Э. Ленц (Ленц 1895, 64). Возможно, Н.П. Кондакова ввели в заблуждение изображения Богоматери с Младенцем и Святого Георгия на клинке шпаги, принадлежавшей Тадеушу Костюшко² (Инв.

В. 317), и сабли с золотой инкрустацией (Инв. В. 243, А. 178, А. 137), принадлежавшие польскому королю Стефану Баторию (Кондаков 1891, 300-301, 314). Таким образом, к концу XIX столетия среди специалистов сложилось вполне обоснованное мнение о саблях с христианскими изображениями и надписями на клинках как о произведениях XVII-XVIII вв.

Именно поэтому, когда в Отчете Русского Археологического Института в Константинополе за 1896 год появилось сообщение о находящейся в ризнице Храма Гроба Господня в Иерусалиме «шпаге византийского происхождения <...> не позже XII века», оно встретило закономерное возражение петербургского византиниста Я.И. Смирнова. На клинке этой шпаги, как ее называл автор Отчета, имелись изображение Богоматери, коронуемой двумя ангелами, и греческая надпись «Ты, царь, предвечное слово Божие, Вседержитель» (Отчет 1896, 36). В небольшой заметке в «Византийском Временнике» Я. И. Смирнов написал: «Не видав ни самої шпаги, ни рисунка ее, мы все же полагаем, <...> что шпага не имеет оснований претендовать на столь почтенную древность: и изображения на ней и надпись сходны с таковыми же, выложенными золотом, рисунками и надписями на клинках целого ряда сабель, которые были предметом специальной статьи В. А. Прохорова <...>, который пришел к заключению, что все клинки с надписями и изображениями Б[ожией] М[атери] по времени не восходят далее XVII века» (Смирнов 1899, 327)³.

Послереволюционный период принес существенные изменения в состав музейных коллекций. С одной стороны, музеи значительно пополнились произведениями из частных коллекций. С другой, – музеи подверглись серьезному опустошению в связи с распродажей произведений искусства из собраний России на зарубежных антикварных рынках. Сабли с христианскими надписями и сюжетами не особенно интересовали советских специалистов. Само занятие религиозным искусством, особенно византийским и поствизантийским, было небезопасным. Особенно в 1930-х годах.

²Т. Костюшко (1746-1817), польский политический и военный деятель, руководитель национально-освободительного восстания 1794 г. Во время неудачного боя под Мацеёвицами он был тяжело ранен и взят в плен русскими царскими войсками; заключен в Петропавловскую крепость. Во время битвы при нем находилась упомянутая сабля с изображениями Богоматери и Святого Георгия.

³Примечательно, что Я. И. Смирнов в этой маленькой заметке, кроме статьи В.А. Прохорова, указал также на публикацию Э. Ленца коллекции оружия графа С.Д. Шереметева.

Впрочем, даже в 1970-х годах эта тематика не поощрялась, а авторы исследований сталкивались со значительными трудностями. В результате лишь после перестройки стало возможным активное изучение и публикация памятников религиозного искусства, в том числе сабель с христианскими сюжетами. В полной мере эти положения касаются собрания Государственного Эрмитажа, где в коллекции турецкого длинноклинкового оружия Арсенала имеется комплекс из 17-ти сабель интересующего нас типа. Следует считать это довольно крупным комплексом, изучение и каталогизация которого были не так давно начаты авторами данной статьи. Надо заметить, что комплекс сабель с христианскими сюжетами в Арсенале Эрмитажа не является единственным в своём роде. Аналогичные предметы хранятся в Музеях Московского Кремля и в Государственном Историческом музее. Имеются такие предметы и в некоторых зарубежных коллекциях, в частности еще В. А. Прохоров указывал на саблю в Арсенале Турина, Италия (Прохоров 1977, 7), а в 1923 г. во время строительных работ в Белграде был найден клинок с инкрустированной греческой надписью и изображением Богоматери⁴ (*Byzantium* 2008, 406 no. 103).

Важным событием в изучении этого вида памятников был выход книги Э. Г. Аствацатурян «Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея» (Аствацатурян 2002). Автор – хранитель фонда Восточного оружия ГИМ – выделила группу клинков сабель «клих» XVII-XVIII вв., которые имеют одинаковую малоизогнутую форму клинка с небольшой елманью; выкованы из высококачественной булатной стали; украшены золотой инкрустацией. Внутри эта группа разделяется на две части: одна – клинки с арабскими надписями (изречения из Корана, выполненные кувейтским шрифтом), вторая – клинки с греческими, славянскими, латинскими надписями и христианскими сюжетами. Именно последним Э.Г. Аствацатурян уделила

⁴ Клинок, найденный в Белграде, сербские специалисты считают исполненным в оружейных мастерских Константинополя или Фессалоник в XIV - первой половине XV вв. Именно с такой атрибуцией он экспонировался в 2008-2009 г. на выставке «Византия 330-1453» в Королевской Академии художеств в Лондоне (*Byzantium* 2008, 406, no. 103). Однако эта атрибуция разделяется не всеми исследователями.

наибольшее внимание⁵. Она дала описание и воспроизведение шести таких сабель из коллекции Исторического музея. На одной из них имеется дата – 1685 г., греческая надпись «+ CΥ ΒΑΣΙΛΕΥ ΑΝΤΤΗΤΕ ΛΟΓΕ ΘΕΟΥ ΠΑΝΤΑΝΑΕ» («Ты, царю непобедимый, слово Божие всевластно» или, по другому переводу, «Ты, царь, предвечное слово Божие, Вседержитель») и золотой медальон с гравированным изображением Богоматери с Младенцем на руках, над которым золотые фигурки ангелов держат корону; под медальоном помещена композиция из вазы с букетом цветов, фланкированной двумя горящими свечами, под вазой – год 1685 (ГИМ 3151). В иконографии следует отметить две важные детали: Мария изображена с распущенными волосами, а центральным цветком в вазе является гвоздика. В техническом аспекте надо отметить, что ваза, свечи и мечи в руках ангелов выполнены серебряной инкрустацией, в то время как весь остальной декор и надписи – золотой. (Аствацатурян 2002, 98-100). Три другие сабли также имеют греческие надписи и похожие изображения коронуемой Богоматери. На одном клинке (ГИМ 5329) – латинская надпись «IVDICA DOMINE NOCENTES. ME EXPVGNANT. IMPVGNANTES ME.» («Суди Господи обидящие меня, побори борющие меня»); а еще на одном (ГИМ 1823) – славянская: «+ ВЪИМЕ ѠЦА И СИНА И СВЕТАХО ДУХА АМИНЬ · СЕМЬ КРЪТОМЪ ПОБЕХДАЮ ВРАХИ НАШИ» («Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Сим крестом побеждаю врагов наших»). В ней А.Д. Седелников увидел некоторые сербские элементы (Аствацатурян 2002, 98, 100). Относительно центра производства Э.Г. Аствацатурян высказала мнение, что большинство сабель было изготовлено в Стамбуле, поскольку техника исполнения золотой насечки и некоторые детали декора идентичны клинкам с арабскими надписями. По ее мнению, на стамбульские мастерские указывают султанские тугры на серебряных накладках на крестовине и ножнах. Вместе с тем, она отмечает, что «по-видимому, поль-

⁵ Следует указать, что большое значение для исследования Э.Г. Аствацатурян имела кандидатская диссертация сотрудника Государственного Эрмитажа Ю.А. Миллера «Художественное производство холодного оружия в Турции в XVI-XVIII вв.», защищенная в 1953 г., с которой Э.Г. Аствацатурян имела возможность ознакомиться благодаря любезности автора.

зователями этих изделий были христиане, этим объясняется появление на них христианской символики» (Аствацатурян 2002, 101). Большим достоинством книги Э.Г. Аствацатурян, как в свое время и брошюры В. А. Прохорова, является прекрасный иллюстративный материал. Несмотря на бесспорное значение этой книги, клинкам с христианскими сюжетами и надписями в ней уделены всего несколько страниц. При этом часть текста носит компиляционный характер, а библиография ограничивается исключительно работой В.А. Прохорова 1877 г. К сожалению, при всей отмеченной выше научной ценности, ни дореволюционные исследования, ни книга Э.Г. Аствацатурян не дают в полной мере ответа на многочисленные вопросы, связанные с этим крайне интересным явлением оружейного и декоративно-прикладного искусства поствизантийского мира XVII-XVIII вв. В названии нашей статьи указано, что это предварительная публикация; и это точно отражает ее задачи и характер. Мы хотели бы привлечь внимание широкого круга исследователей, причем не только специалистов по оружию, к этому замечательному материалу и дать краткую первоначальную характеристику комплекса, хранящегося в Арсенале Государственного Эрмитажа, а также акцентировать в данной статье внимание на двух примечательных экземплярах.

В настоящее время в эрмитажном собрании выделено 17 предметов с греческими и славянскими надписями и христианскими сюжетами. Надписи и, частично, изображения выполнены в технике золотой насечки, то есть инкрустацией золотом по булату клинков. Все выявленные памятники датируются в пределах второй половины XVII - первой половины XVIII вв. и могут быть отнесены к категории османских сабель. По типологии, предложенной в 1953 г. в своей диссертации научным сотрудником Эрмитажа Ю.А. Миллером и использованной Э.Г. Аствацатурян в ее монографии 2002 г., большинство сабель этого комплекса (за исключением двух) следует отнести к типу «клих», а две сабли – к категории «кылыч» (Миллер 1953; Аствацатурян 2002, 92-94, 104-105).

Клинка обеих сабель типа «кылыч» сильно искривлены в нижней трети и имеют ярко

выраженную елмань. Рукояти выполнены из двух пластин светло-коричневого рога и имеют довольно массивные круглые набалдашники, отогнутые в сторону лезвия. Подобного типа сабли появились в турецком военном обиходе начиная с первой половины XVIII в.

Как уже было отмечено, основная часть выявленного комплекса – это сабли типа «клих». Они имеют довольно плавный изгиб клинка и небольшую елмань (средняя длина клинков – 750-800 мм, средняя ширина у пяты: 30-35 мм, средняя толщина – 5 мм). Среди этих памятников можно выделить несколько подгрупп по типу рукоятей.

В первую входят пять сабель, имеющих рукояти с головкой в виде стилизованной головы орла с подчеркнутым клювом. Такие сабли имеют название «карабела». Среди них одна сабля выделяется своей незначительной длиной (общая длина – 660 мм, клинок – 53 мм) и практически отсутствующим изгибом. Это объясняется тем, что клинок представляет собой нижнюю половину сломанного более длинного клинка, который был подвергнут слесарной доработке.

Во вторую группу входит пять сабель, у которых рукоять шамширного типа – т.е. с небольшими набалдашниками, отогнутыми в сторону лезвия под прямым углом к черенку. Одна рукоять сделана из цельной белой кости, две – оплетены серебряной проволокой, а две выполнены из двух пластин светло-коричневого рога (одна в серебре).

В следующую группу объединены три сабли с рукоятями, вырезанными из нефрита (?). Они имеют небольшие набалдашники, слегка отогнутые по направлению к лезвию.

Две сабли трудно отнести к какой-либо определенной группе. Одна из них имеет довольно узкий клинок (ширина у пяты – 30 мм) и в более позднее время (возможно в середине – второй половине XIX столетия) была снабжена шашечной рукоятью. Рукоять второй сабли выполнена из цельного куска белой кости (сломана примерно на середине длины).

Из 17-ти выделенных сабель с христианскими сюжетами, на 13-ти имеются медальоны с изображением Богородицы с младенцем, на одной – образ Святого Георгия, а три декори-

рованы четырехконечным крестом в круге. На 15-ти саблях все изображения и надписи размещены только на лицевой стороне клинка. На двух декор покрывает как лицевую, так и оборотную стороны. На одной оборот украшен растительным орнаментом и двумя пальметтами, на второй – благословляющий двумя руками Спаситель и фигура византийского императора Никифора Фоки.

Сабля графа М.А. Милорадовича

Как уже было сказано, в настоящей публикации авторы дают более подробное описание только двух сабель из собрания Государственного Эрмитажа. Одна из них, поступившая в музей в 1885-1886 годах из Царскосельского Арсенала, некогда принадлежала графу М.А. Милорадовичу (1771-1825). О ней мы уже упоминали выше в связи с публикациями Н.П. Кондакова и Э.Э. Ленца. Сабля (старый Инв. А. 146; современный Инв. ВО 5812) имеет ножны, которые выполнены из двух деревянных дощечек, оклеенных чёрной кожей. Серебряный прибор состоит из небольшого устья, двух узких обоймиц и короткого наконечника. Устье выполнено в виде узкой полосы с фигурной накладкой, напоминающей по форме дубовый лист. По краю она декорирована гравировкой. С обеих сторон устья имеются специальные гнезда для вкладывания надклиночных стержней крестовины. Узкие обоймицы по краю оформлены виньетками с изображениями цветов и листьев и снабжены кольцами для перевязи. Наконечник небольшой, верхняя часть – в виде выступа с плавными, гравированными по краям изгибами (рис. 1).

Длина сабли – 972 мм, она имеет слабо изогнутый клинок волнистого булата, который

Рис. 1. Сабля и ножны, инв. № ВО-5812.

плавно сужается к середине и расширяется в елмань. Обух ровный, на елмани сведён на нет.

Длина клинка – 848 мм; ширина клинка у пяты – 34,25 мм; ширина клинка в средней части – 30,11 мм; ширина клинка в начале елмани – 36,32 мм; толщина клинка у пяты – 5,66 мм; толщина елмани – 3,43 мм; длина рукояти – 114 мм; обхват – 85 мм; длина ножен – 847 мм

Рукоять выполнена из двух пластин желтовато-коричневого рога, укрепленных на хвостовике на три гвоздя. На шов наложена серебряная пластина, резная канавками. Набалдашник округлой формы, с незначительным уступом на торце, отогнут в сторону лезвия. Крестовина серебряная; концы креста оформлены в виде виньеток, концы крестовины декорированы маленькими завитками (рис. 2).

Рис. 2. Сабля ВО-5812, деталь: рукоять.

Общая геометрия клинка и его размеры позволяют, с некоторой долей условности, отнести саблю к типу «клих», т.е. клинкам, бытовавшим в османской Турции в XVII-XVIII вв. При этом рукоять, возможно, более позднего происхождения, так как подобная форма чаще встречается на саблях с конца XVIII столетия.

Полоса булата с лицевой стороны украшена золотой насечкой (рис. 3). Под крестом и на пяте – пальметта (арабеска, рис. 5); над ней – два ангела, поддерживающие корону; выше – медальон с изображением Богоматери с Младенцем (внутри медальона, справа от Богоматери, имеются четыре шестилучевых звёздочки, а слева от Младенца – одна); над медальоном – фигурка голубя с распростёртыми крыльями. Вдоль обуха в одну строку помеще-

Рис. 3. Сабля ВО-5812, деталь: клинок с изображением Богоматери с Младенцем и греческой надписью с датой 1445.

Рис. 4. Сабля ВО-5812, деталь: клинок с изображениями голубя – Святого Духа, Богоматери с Младенцем и ангелами с короной.

Рис. 5. Сабля ВО-5812, деталь: арабеска на пяте клинка (съемка сбоку).

Рис. 6. Сабля ВО-5812, деталь: клинок с четырехконечным крестом и следами более древней инкрустации.

на надпись: «+ ΠΑΝΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΗΘΗ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ ΣΟΥ ΕΤΟΣ ΑΠΟ Χ[ΡΙΣΤΟΥ]Υ 1445» («Пречистая Матерь Божия, помоги рабу Твоему в лето по Рождеству Христову 1445»). Пальметта (арабеска) и надпись выполнены в технике инкрустации золотой проволокой (золотая насечка), а все фигурные изображения исполнены гравировкой по золотым пластинкам, насечённым на сталь. При внимательном изучении клинка мы обратили внимание, что около четырехконечного креста в начале надписи имеются канавки, оставшиеся от более древней инкрустации. По

всей видимости, на этом месте некогда было изображение магического квадрата, что часто встречается на клинках османского и иранского происхождения (рис. 6).

Данная сабля была учтена В.А. Прохоровым в его публикации (рис. 7). Он дал краткое описание клинка, привел греческую надпись и поместил литографированное изображение клинка в иллюстрациях (Прохоров 1877, 6, табл. I/6). Позднее, как мы уже отмечали, о сабле писали Н.П. Кондаков в 1891 г. и Э.Э. Ленц в 1895 и 1908 гг. (Кондаков 1891, 308; Ленц 1895, 64, 65; Ленц 1908, 278).

Уже упоминалось, что сабля принадлежала графу М. А. Милорадовичу (1771-1825) и поступила в Царскосельский Арсенал по его завещанию. Появилась она у М. А. Милорадовича во время Русско-турецкой войны 1806-1812 годов. Среди подвигов графа в этой военной компании особенно примечательны в связи с нашей темой две победы. В самом начале войны М.А. Милорадович одержал победу над турками 13 декабря 1806 г. под г. Бухарестом и тем самым спас Валахию от разорения. В следующем году в битве при Обилешти 2 июня 1807 г. он разбил 12-тысячный авангард Алипаши и спас г. Бухарест. Именно в связи с последним событием митрополит Валахии и бояре Бухареста поднесли ему данную саблю, а самому М.А. Милорадовичу дали «наименование Бухарестского спасителя». В благодарственном послании, направленном императору Александру I, они писали: «<...> Мы ощутили ныне новый этап милосердия Вашего, узрев паки среди нас генерала Милорадовича,

Рис. 7. Сабля ВО-5812, литография В.А. Прохорова, 1877.

столь достойно стяжавшего наименования Бухарестного спасителя, Всемилостивейше утвержденного Вашим Императорским Величеством. Сердца наши преисполнены неизреченнейшею радостью, и мы сугубо удостоверены в Высочайшем к нам благоволении Вашего Императорского Величества, чувствуя в полной мере милость, которую, возвратив нам сего храброго генерала, Ваше Императорское Величество вновь излиять на нас соизволили <...>» (РБС 1999, 174).

Исследователи уже обращали внимание, что на клинке сабли М. А. Милорадовича фигуры ангелов с короной размещены под медальоном «Богородица с Младенцем», а не над ним, как на большинстве клинков с аналогичной тематикой (рис. 4). Таким образом, нарушена логика иконографической программы. На других клинках ангелы коронуют Марию, что соответствует традиции в изображении Богородицы с Младенцем в поствизантийском искусстве, особенно в XVII-XIX вв. Распространение этой детали связано с гимнографией, где Мария названа «Госпожой ангелов» («Ангелоктисса»), «Царицей небесной», «Путеводительницей воинства» и т.д. На клинке сабли Милорадовича мы видим инверсию: уже не ангелы коронуют Божию Матерь, а Она и сидящий на ее руках Младенец Иисус Христос благословляют «венцом Победителя», «венцом воина-охранителя Христианской веры» владельца сабли. По нашему мнению, подобное изменение иконографической программы могло быть связано с конкретной ситуацией – поднесением сабли графу М.А. Милорадовичу как «Бухарестскому спасителю» от благодарных жителей города. В таком случае, если не весь декор клинка, исполненный золотой насечкой, то, по крайней мере, некоторые его части были сделаны непосредственно в Бухаресте летом 1807 г. По-видимому, была взята древняя сабля (возможно на клинке уже имелся декор золотой насечкой) и дополнена христианскими изображениями. В дальнейшем предстоит тщательная техническая экспертиза клинка, для того, чтобы подтвердить или опровергнуть это предварительное предположение.

Сабля из Мраморного дворца

Вторая сабля, которая рассматривается в данной статье, поступила в Государственный Эрмитаж в 1926 г. из Мраморного дворца в

Ленинграде (Санкт-Петербурге), который с 1840-х по 1917 гг. был родовым домом Великих князей из ветви Константиновичей. Сабля в бархатных ножнах (Инв. ВО 3239), общей длиной 935 мм; клинок – 797 мм; ширина клинка у пяты – 32,2 мм; ширина клинка в средней части – 27,8 мм; ширина клинка в начале елмани – 33,6 мм; толщина клинка у пяты – 6,18 мм; толщина елмани – 3,12 мм.

Ножны состоят из двух деревянных дощечек, обтянутых сильно потёртым и выцветшим красным бархатом; на стык нашита серебряная тесьма. Прибор состоит из устья, двух обоймиц, с кольцами для перевязи на внутренней стороне, и наконечника. В верхней части с обеих сторон устья имеются специальные гнёзда для вкладывания надклиночных стержней крестовины; со стороны обуха в устье и ножнах выполнен довольно длинный разрез, доходящий до верхней обоймицы, предназначенный для облегчения вкладывания клинка в ножны; наконечник снабжён так называемым «башмаком» в виде двух изогнутых листьев. Все детали прибора выполнены из позолоченной меди и украшены лёгкой гравировкой и насечкой, аналогичной орнаменту на соединительной полосе. При этом орнамент размещён по краям деталей прибора ножен так, что в середине остаётся незаполненное пространство (рис. 8).

Рукоять состоит из двух полукруглых в сечении пластин, вырезанных из светло-коричневого рога, каждая из которых прикреплена к хвостовику двумя гвоздиками. Круглый, довольно массивный набалдашник отогнут по направлению к лезвию. В набалдашнике пробито отверстие для темляка, обложенное гравированной медной позолоченной пластин-

Рис. 8. Сабля и ножны, инв. № ВО-3239.

Рис. 9. Сабля ВО-3239, деталь: клинок с греческими надписями.

кой в виде шестилепестковой розетки. По стыку роговых частей рукояти на хвостовик набита соединительная пластина, выполненная из позолоченной меди. По краям пластины прорезаны узкие канавки, образующие рамку, внутреннее пространство которой заполнено гравированным орнаментом – извивающаяся лента и ветвь с листиками. Крестовина из золочёной меди декорирована гравированным растительным орнаментом и извивающейся лентой, аналогичной той, которая имеется на соединительной полосе. При этом средняя часть крестовины оставлена пустой. Отроги перекрестья оканчиваются шишечками.

Клинок сабли имеет плавный изгиб и выкован из булатной стали низкого качества – узор угадывается с большим трудом. Полоса плавно расширяется к незначительно выступающему обуху, по всей длине которого, от пяты до елмани, вырезан боровок. Елмань обоюдоострая. Вдоль всей её длины в верхней части прорезан узкий декоративный долик. В начале елмани находится выступ с плоским обухом, резко сведённый затем на нет. Центр удара помечен стилизованным растительным завитком, выполненным инкрустированной золотой проволокой.

Среди рассматриваемого комплекса сабель эта отличается сложным декором клинка и большим, чем на других клинках, количеством греческих надписей. Кроме того, клинок украшен золотой насечкой с двух сторон. С лицевой стороны клинок украшен греческой надписью в две строки, ограниченной арабесками; двумя картушами с надписями на греческом языке (одна в четыре строки, другая в шесть строк), между картушами размещено поясное изображение Богоматери с Младенцем на руках; пята

Рис. 10. Сабля ВО-3239, деталь: клинок с греческой надписью из Псалма 34.

Рис. 11. Сабля ВО-3239, деталь: инкрустация на клинке около рукояти.

Рис. 12. Сабля ВО-3239, деталь: картуш с греческой надписью из Псалма 44.

Рис. 13. Сабля ВО-3239, деталь: второй картуш с греческой надписью из Псалма 44.

Рис. 14. Сабля ВО-3239, деталь: клинок с изображением Богородицы с Младенцем.

Рис. 15. Сабля ВО-3239, деталь: клинок с изображением императора Никифора Фоки, которого благословляет Иисус Христос.

Рис. 16. Сабля ВО-3239, деталь: клинок с изображением фигуры византийского императора Никифора Фоки.

украшена переплетением арабесок с четырехконечным крестом в центре (рис. 9, 14, 11).

Надписи на клинке взяты из Псалтири. Двухстрочная – это Псалом Давида, первая строка «Молитвы о помощи» (от гонителей). Она довольно часто встречается на клинках с греческими надписями (Пс. 34.1). Текст в двух картушах также взят из Псалтири – Псалом Бракосочетание Царя – «Царь и его владычество» (Пс. 44.4). Этот текст в настоящее время известен нам только на клинке данной сабли.

Надпись в две строки, которая занимает половину ширины полосы клинка (рис. 10):

ΔΙΚΑΣΟΝ Κ(ύριε)Ε ΤΟΥΣ ΑΔΙΚΟΥΝΤΑΣ ΜΕ ||
ΠΟΛΕΜΗΣΟΝ ΤΟΥΣ ΠΟΛΕΜΟΥΝΤΑΣ ΜΕ.

(Δίκασον, Κύριε, τοὺς ἀδικοῦντάς με, πολέμησον τοὺς πολεμοῦντάς με). В Синодальном переводе: «Вступишь, Господи, в тяжбу с тяжущимися со мною, побори борющихся со мною» (Пс. 34.1). У П. Юнгера перевод немного отличается: «Суди, Господи, обижających меня, побори борющихся со мною».

Четырехстрочная надпись в первом картуше гласит (рис. 13):

ΠΕΡΙΣΩΣΑΙ ΤΗΝ || ΡΟΜΦΑΙΑΝ ΣΟΥ || ΕΠΙ
ΤΩΝ ΜΥΡΩ||+Ν ΣΟΥ +

(περίσωσαι τὴν ρομφαίαν σου ἐπὶ τὸν μηρόν σου,...).

«Препояшь Себя по бедру мечом Твоим», (Пс. 44.4)

В надписи есть небольшие замены букв ο=ω, υ=η; в этом нет ничего необычного. А вот крестики, которые фланкируют последнюю строку, свидетельствуют, что мастер инкрустации не понял, что буква ν относится к последнему слову предпоследней строки.

Надпись в шесть строк во втором картуше (рис. 12):

ΔΥΝΑΤΕ ΤΗ ΟΡΑ||ΙΟΤΗΤΙ ΣΟΥ ΚΑΙ ||
ΤΩΙ ΚΑΛΛΗ ΣΟΥ + || ΚΑΙ ΕΝΤΗΝΕ ΚΑΙ ||
ΚΑΙΕΥΟΛΟΥ ΚΑΙ || ΒΑΣΙΛΕΥΕ.

(δυνατέ, τῆ ὠραιότητί σου καὶ τῷ κάλλει σου + καὶ ἔντεινον καὶ κατευοδοῦ καὶ βασιλευε).

«Сильный, славою Твоею и красотою Твоею. И в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу» (Пс. 44.4-5)

Так звучит этот фрагмент Псалтири в Синодальном переводе. Более соответствует греческому тексту на клинке перевод П. Юнгера: «Сильный, красотою Твоею и добротою Твоею, и напрягись, и поспеши, и царствуй».

Ошибки в греческом языке в предпоследней строке свидетельствуют о том, что мастер пу-

Рис. 17. Сабля ВО-3239, деталь: клинок с греческой надписью и датой под фигурой византийского императора Никифора Фоки.

тал похожие по написанию буквы: А=Δ, I=Τ, Λ=Δ. Таким образом, он воспроизводил написанный на бумаге текст, по-видимому, не понимая его⁶.

Обратная сторона клинка также декорирована золотой насечкой. На пяте имеется два изображения. Вверху – поясная фигура Иисуса Христа, благословляющего двумя руками. Она помещена в фигурный картуш из арабесок, увенчанный четырехконечным крестом. В нижнем картуше из арабесок – мужская фигура в плаще, с короной на голове, со скипетром в правой руке и «посохом, увенчанным крестом» – в левой. По сторонам от фигуры буквы: «НК» и «ФР» (рис. 15, 16). Под этой фигурой греческая надпись ΒΑΣΙΛΕΥΣ (царь) и ограниченная двумя крестиками дата + 963 + (рис. 17).

Арабески и надписи выполнены инкрустированной золотой проволокой, приподнятой над поверхностью клинка, а изображения Богоматери, Спасителя и византийского императора исполнены путём гравировки по насечённой на сталь тончайшей золотой пластинке.

Насколько нам известно, изображение императора Никифора Фоки и указание точной даты его вступления на византийский престол в декоре других клинков не встречается. Так же как и столь многочисленные цитаты из Псалтири. По-видимому, появление этих элементов на данной сабле было связано с каким-

то конкретным событием в истории бытования этого предмета.

Заслуживает внимания личность византийского императора Никифора Фоки (правил с 963 по 969 г.). С его именем связан небывалый подъем политической и военной силы Византийской империи. Еще до вступления на трон он прославился своими воинскими подвигами против мусульман (борьба с эмирами Алеппо и Мосула, наместником Триполи) и пиратов арабского Крита (остров был возвращен под власть империи). После смерти императора Романа II в начале 963 г. и недолгого регентства царицы Феофано в лагере под Кесарией военачальник Никифор Фока был провозглашен войском императором. В августе 963 г. он вошел в столицу Византийской империи и был венчан на царство патриархом Полиевктом в соборе Святой Софии. Восшествие на престол не помешало Никифору лично возглавить весной 964 г. поход на Восток, который открыл серию успешных военных компаний императора против мусульман. Хотя внутренняя политика Никифора Фоки и его «западная дипломатия» не были столь же успешными, как военные походы на Восток, именно последние создали имидж Никифора как мудрого правителя и неустрашимого борца с неверными за торжество Православия. Определенный романтический флер придавала его фигуре и история гибели – он был убит в декабре 969 г. заговорщиками, среди которых был его родственник и некогда ближайший друг Иоанн Цимисхий и сама императрица, вступившая с Цимисхием в любовную связь (Успенский 1997, 332-380). Византийский историк Лев Диакон писал о Никифоре Фоке: «<...> Мужеством и силой тела он без сомнения превосходил всех людей его поколения, в воинских делах отличался необыкновенной изобретательностью и опытностью, был непоколебим среди всякого рода трудностей и не был подвержен обольщениям телесных удовольствий. В делах гражданского управления он был милостив и великодушен, и никогда не было более справедливого судьи и непреклонного законодателя. Он был суров и неумолим в молитвах и всенощных бдениях во имя Бога, невозмутим духом во время песнопений и нисколько не подвержен тщес-

⁶ За помощь в чтении греческих надписей и комментариях приносим искреннюю благодарность ведущему научному сотруднику Института всеобщей истории РАН В.Г. Ченцову.

лавию. Однако многие считали недостатком его желание, чтобы все безукоризненно следовали добродетели и не уклонялись от высшей справедливости. За отступление от этих правил он строго наказывал и потому казался неумолимым и жестоким для уклоняющихся от законов и был ненавистен тем, кто желал вести беспечную жизнь. <...> [если бы судьба] <...> не лишила его так скоро жизни, Ромейская держава достигла бы такого величия, какого она в другое время не достигала. Ведь провидение, презирающее грубый и заносчивый дух человека, укрощает его, подавляет, обращает в ничто и непостижимыми, ему одному известными судьбами направляет челн нашей жизни к полезному» (Лев Диакон 1988, 49-50).

Читая эту красочную характеристику древнего правителя, невольно пытаешься сопоставить ее с российской историей. Учитывая происхождение сабли из Мраморного дворца, на ум

приходит так называемый «Греческий проект Екатерины Великой» – проект образования на территории Турции нового православного государства со столицей в Константинополе-Стамбуле. Императрица даже своего внука назвала Константин, намекая на историю жизни и деяний Святого Константина Великого. В этом аспекте и воинские подвиги Никифора Фоки против «неверных» как бы должны были быть повторены владельцем сабли. В то же время, характеристика личных достоинств и моральных качеств Никифора Фоки заставляет вспомнить о сыне Екатерины Великой – романтическом императоре Павле I, чьи дела и помыслы так и остались непонятыми современниками. Какое бы предположение не оказалось верным, бесспорно, что дальнейшее изучение данной сабли, так же как и других аналогичных памятников из собрания Эрмитажа, откроет перед авторами и будущими читателями немало любопытных и назидательных страниц отечественной истории.

Библиография

- Аствацатурян 2002:** Э.Г. Аствацатурян, Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея (Санкт-Петербург 2002).
- Вздорнов 1986:** Г.И. Вздорнов, История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век (Москва 1986).
- Кондаков 1891:** Н.П. Кондаков, Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения (Санкт-Петербург 1891).
- Лев Диакон 1988:** Лев Диакон, История (пер. М.М. Копыленко, отв. ред. Г.Г. Литаврин) (Москва 1988).
- Ленц 1895:** Э.Э. Ленц, Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева (Санкт-Петербург 1895)
- Ленц 1908:** Э.Э. Ленц, Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Часть I. Собрание оружия (Санкт-Петербург 1908).
- Миллер 1953:** Ю.А. Миллер, Художественное оформление холодного оружия в Турции в XVI-XVIII вв. Кандидатская диссертация (Ленинград 1953).
- Оглобин 1903:** Н. Оглобин, Из воспоминаний слушателя Археологического института 1-го выпуска (1878-1889 гг.). В: Вестник Археологии и Истории, вып. 15 (Санкт-Петербург 1903)
- Отчет 1896:** Отчет о деятельности Русского Археологического Института в Константинополе в 1896-м году. В: Известия Русского Археологического Института в Константинополе, том II (Одесса 1897, отдельная пагинация)
- Прохоров 1877:** В.А. Прохоров, О древних саблях с греческими, славянскими и другими надписями (Санкт-Петербург 1877).
- Прохоров 1881:** В.А. Прохоров, О древних саблях с греческими, славянскими и другими надписями. В: Труды Второго Археологического съезда в Санкт-Петербурге, вып. 2 (Санкт-Петербург 1881), 195-202.
- РБС 1999:** Русский Биографический Словарь. Том Маак – Мятлева (Москва 1999), 173-185.
- Смирнов 1899:** Я. С[мирнов], Шпага с греческою надписью в ризнице Святого Гроба. В: Византийский Временник, том VI, отдел III, 1899, 327.
- Стасов 1885:** В.В. Стасов, Василий Александрович Прохоров. В: Вестник изящных искусств, том III, вып. 4 (Санкт-Петербург 1885), 320-360.

Успенский 1997: Ф.И. Успенский, История Византийской империи. Период Македонской династии (867-1057) (Москва 1997).

Byzantium 2008: Byzantium 330-1453 (edited by R. Cormack and M. Vassilaki). Exhibition catalogue. Royal Academy of Art. (London 2008).

Treasures 2010: Treasures of the Moscow Kremlin at the Topkapi Palace. [Exhibition catalogue] (Istanbul 2010).

„Chipuri sfinte pe tășuri”: săbii unicele din colecția Ermitajului (considerații preliminare)

Articolul este dedicat unui fenomen interesant – săbiilor din secolele XVII-XVIII din colecția Muzeului Ermitaj, care poartă pe tășuri inscripții grecești sau slavone executate în tehnica încrustării cu aur, precum și imagini cu tematică creștină. În articol este prezentată caracteristica generală a celor 17 săbii de acest fel, selectate de autori în colecția muzeului menționat, fiind evidențiate în baza formei mânerului, câteva grupe distincte.

Autorul face o scurtă analiză a puținelor publicații pe această temă. Astfel, menționează articolul lui Vasili Prohorov publicat în anul 1877, informațiile aflate de ei din Indicatorul Secției Medievale a Ermitajului Imperial, publicat de Nikodim Kondakov la 1891, datele din catalogul colecției de arme a contelui Serghei Șeremetev, alcătuit de Eduard Lenț în anul 1895, precum și monografia lui E. Astvațaturian (2002) dedicată armamentului turcesc din colecția Muzeului de Stat de Istorie din Moscova.

O atenție deosebită autorii au acordat descrierii și analizei a două dintre săbiile menționate. Una dintre ele a aparținut contelui Miloradovici, fiindu-i oferită în dar de către administrația orașului București, în anul 1807.

Ce-a de-a doua provine din colecțiile Palatului de Marmură – reședința marilor cneji Konstantinov, intrată în colecțiile Ermitajului în urma revoluției bolșevice. Pe lângă inscripțiile tradiționale și imaginea Maicii Domnului cu Pruncul și îngerii încoronând-o, pe sabie apare o imagine unică a împăratului bizantin Nicefor Focas, fiind blagoslovit cu ambele mâini de către Isus Cristos. Pe tășul săbiei mai sunt gravate două cartușe, care conțin citate din Psalmi, în limba greacă. Decorul extrem de bogat al acestei săbii, precum și imaginea deosebită a împăratului bizantin îi conduce pe autori la concluzia că aceasta a fost executată la o comandă specială.

Autorii presupun că executarea acestei săbii putea fi legată de așa-numitul proiect grecesc al împărătesei Ecaterina cea Mare a Rusiei. Scopul principal al respectivului proiect era refacerea Imperiului Bizantin cu capitala la Constantinopol – Istanbul și plasarea pe tronul acestuia a nepotului Ecaterinei, marele cneaz Constantin.

Articolul poartă caracterul unei publicații preliminare și este parte a unui catalog al săbiilor cu inscripții slavone și grecești din colecția Ermitajului, aflat în lucru.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Sabie și teacă, inv. nr. VO-5812.

Fig. 2. Sabie VO-5812, detaliu: mâner.

Fig. 3. Sabie VO-5912, detaliu: fragment de tăș cu imaginea Maicii Domnului și inscripția grecească datată cu anul 1445.

Fig. 4. Sabie VO-5812, detaliu: fragment de tăș cu imaginea porumbelului – Duhului Sfânt, a Maicii Domnului cu Pruncul și îngerii cu coroana.

Fig. 5. Sabie VO-5812, detaliu: un arabesc pe partea laterală a tășului (vedere laterală).

Fig. 6. Sabie VO-5812, detaliu: fragment de tăș cu imaginea crucii latine și urma unei încrustări anterioare.

Fig. 7. Sabie VO-5812, litografie V.A. Prohorov, 1877.

Fig. 8. Sabie și teacă, inv. nr. VO-3239.

Fig. 9. Sabie VO-3239, detaliu: fragment de tăș cu inscripții grecești.

Fig. 10. Sabie VO-3239, detaliu: fragment de tăș cu inscripție grecească din Psalmi 34.

Fig. 11. Sabie VO-3239, detaliu: incrustație pe tăș din zona mânerului.

Fig. 12. Sabie VO-3239, detaliu: cartuș cu inscripție în greacă din Psalmi 44.

Fig. 13. Sabie VO-3239, detaliu: al doilea cartuș cu inscripție în greacă din Psalmi 44.

Fig. 14. Sabie VO-3239, fragment de tăș cu imaginea maicii Domnului cu Pruncul.

Fig. 15. Sabie VO-3239, detaliu: fragment de tăș cu imaginea împăratului Nicefor Focas blagoslovit de Isus Cristos.

Fig. 16. Sabie VO-3239, detaliu: fragment de tăș cu imaginea împăratului Nicefor Focas în picioare.

Fig. 17. Sabie VO-3239, detaliu: fragment de tăș cu inscripție grecească și milesimul sub imaginea împăratului bizantin Nicefor Focas.

Holy images on blades: unique swords from the State Hermitage Museum (preliminary publication)

Abstract

The focus of this article are interesting rarities from the collection of the State Hermitage Museum – swords of the 17th-18th centuries with inscriptions in Greek and Slavonic, with images of Christian saints inlaid in gold. The authors offer the general characteristics of 17 exemplars of this kind of arms which are divided into several groups according to the shape of the hilt. A brief overview of the relatively few publications on this subject includes articles by Vasilii Prokhorov (1877); data from the Index of the Medieval Department of the Imperial Hermitage published by Nikodim Kondakov (1891), a catalogue of Count Sergei Sheremetev's collection of arms compiled by Eduard Lenz (1895), and a monograph by E. Astvatsaturian on Turkish arms from the collection of the State Historical Museum (2002). The authors pay special attention to the description and analysis of two swords from the Hermitage collection. One of them belonged to Count Michail Miloradovich, and was presented to him in 1807 from the city of Bucharest. The second sword came to the Hermitage after the Bolshevik Revolution from the Marble Palace, the residency of the Grand Dukes Konstantinovich. Besides the traditional inscriptions and images of the Virgin with Child crowned by angels, the blade bears a unique image of Byzantine Emperor Nikephoros Phokas blessed by Jesus Christ with both hands. There are also two cartouches with quotations from Psalms in Greek. The extremely rich décor of this sword and the unique depiction of the Byzantine Emperor leave no doubt that they were made on a special order. The authors connect the sword to the Greek Project initiated by the Russian Empress Catherine the Great. The main idea of the project was a restoration of the Byzantine Empire with Constantinople-Istanbul as its capital, where Grand Duke Konstantin, Catherine the Great's grandchild, would be ascended to the throne. This article is a preliminary publication of a project in process on compilation of a complete catalogue of all swords with Greek and Slavonic inscriptions and with images on Christian subjects from the collection of the State Hermitage Museum.

List of illustrations:

Fig. 1. Sword and scabbard, Inv. № VO-5812.

Fig. 2. Sword VO-5812, detail of the hilt.

Fig. 3. Sword VO-5912, detail of the blade with the image of the Virgin and Child, the Greek inscription and the date 1445.

Fig. 4. Sword VO-5812, detail of the blade with the image of Dove – Holy Spirit, the Virgin and Child with angels and crown.

Fig. 5. Sword VO-5812, detail with arabesque on ricasso (side view).

Fig. 6. Sword VO-5812, detail of the blade with the four-pointed cross and traces of the more oldest inlay.

Fig. 7. Sword VO-5812, lithography by V.A. Prokhorov, 1877.

Fig. 8. Sword and scabbard, Inv. № VO-3239.

Fig. 9. Sword VO-3239, detail of the blade with Greek inscriptions.

Fig. 10. Sword VO-3239, detail of the blade with Greek inscription from Psalm 34.

Fig. 11. Sword VO-3239, detail of inlay on the blade near the hilt.

Fig. 12. Sword VO-3239, detail of cartouche with Greek inscription from Psalm 44.

Fig. 13. Sword VO-3239, detail of second cartouche with Greek inscription from Psalm 44.

Fig. 14. Sword VO-3239, detail of the blade with an image of the Virgin and Child.

Fig. 15. Sword VO-3239, detail: the blade with an image of the Byzantine Emperor Nikephoros Phokas blessed by Jesus Christ.

Fig. 16. Sword VO-3239, detail: the blade with an image of the Byzantine Emperor Nikephoros Phokas.

Fig. 17. Sword VO-3239, detail: the blade with Greek inscription and date beneath an image of the Byzantine Emperor Nikephoros Phokas.

19.04.2013

Всеволод Образцов, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, RU-190000 Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: vs.obraztsov@yandex.ru

Юрий Пятницкий, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, RU-190000 Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: pyatnitskiy1@yahoo.com

